

Ю. К. ТЕРАПИАНО

К юбилею Тютчева

23 ноября (6 декабря по новому стилю) исполнилось 150 лет со дня рождения Ф. И. Тютчева.

У нас есть много прекрасных поэтов, но почти каждое имя из них можно было бы пропустить, не уничтожив все-таки самого бытия русской поэзии. Только три имени — Пушкина, Лермонтова и Тютчева из нее никак нельзя изъять: без них русская поэзия просто не существует, не о чем говорить, как о подлинно значительном и великом.

Слава Тютчева, согласно установившемуся у нас мнению, посмертная, поздняя. При жизни, за исключением немногих, — правда, среди них имена Пушкина, Жуковского, Вяземского, Тургенева, Некрасова и Фета, широкая публика прошла мимо поэзии Тютчева, не оценила ее по достоинству, и лишь со времени символистов Тютчев стал одним из первых поэтов России.

С 90-х годов и в нынешнем веке, действительно, поэзия Тютчева получила всеобщее признание. Нет ни одного поэта с тех пор, который не испытал бы на себе воздействие тютчевской стихии, как нет ни одного культурного человека, который не помнил бы наизусть многие его стихотворения.

Современные ценители поэзии с недоумением спрашивают себя, как это могли современники проглядеть Тютчева? Однако неверно было бы сказать, что и в свое время Тютчев был не признан, не оценен читателями и оставался лишь «поэтом для поэтов». Легенда, сложившаяся о Тютчеве, как всегда, верна лишь отчасти, и потому некоторые упреки наших современников не совсем справедливы.

Судьба, в самом начале, отняла у Тютчева то, что неразрывно связано с явлением каждого великого поэта — Родину. 11 июля 1822 г. юноша Тютчев отправился на службу в Герма-

нию и пробыл там, с небольшими перерывами, двадцать два года. Не будучи эмигрантом, в течение всего этого периода своей жизни он, в сущности, предвосхитил судьбу эмигрантских поэтов.

«Судьбе угодно было вооружиться последней рукой Толстого», — говорил позднее Тютчев, — «чтобы переселить меня на чужбину», — граф Остерман-Толстой, под начальством которого Тютчев начал свою дипломатическую службу, был инвалидом, потеряв руку в битве при Кульме.

Несколько юношеских стихотворений — перевод «Послания Горания», за который Тютчев получил звание «сотрудника» «Общества Любителей Российской Словесности» в 1819 г., стихотворение «Урания», читанное в 1820 г. на университетском акте, ходивший по рукам в немногочисленных списках отзыв на «Оду на вольность» Пушкина и кое-какие стихотворения, напечатанные в 20-х и 30-х гг. в малораспространенных изданиях — все это не могло обратить внимания читателей на Тютчева.

Первое «настоящее» выступление Тютчева в русской литературе состоялось лишь в 1835 году, когда кн. И. С. Гагарин, вернувшись из Мюнхена в Петербург, решил показать присланные ему Тютчевым тетради стихов тогдашним известным литераторам. Мы знаем, что Жуковский и Вяземский были восхищены этими стихами. — «На другой день узнал о них Пушкин, — сообщает Тютчеву Гагарин, — я его потом видел; он ценит их, как должно, и отзывался мне о них весьма сочувственно».

В 1836 г. Пушкин поместил в третьей книге своего «Современника» шестнадцать стихотворений Тютчева под общим заглавием: «Стихотворения, присланные из Германии». По имени автора тогдашняя читающая публика узнать не могла, так как под стихотворениями была только подпись инициалами «Ф. Т.».

«Современник» и после смерти Пушкина печатал стихи Тютчева под теми же инициалами до 1840 г.

Личные и служебные дела — смерть жены (1838 г.), вторичный брак (1839), вынужденная отставка в том же году, первая неудачная попытка устроиться в России и, наконец, окончательное возвращение в Петербург в 1844 г. совсем отвлекли Тютчева от поэзии — и лишь в 1848 г. он начал писать снова.

Мало кто помнил в те годы старые номера «Современника». — И вот — в литературной судьбе Тютчева наступает наконец «выход из неизвестности», «явление поэта»: в обновленном «Современнике» появляется в 1850 г. большая и очень хвалебная статья Некрасова о поэзии Тютчева. Некрасов вспомнил

и внимательно разобрал прежние стихи, печатавшиеся под инициалами «Ф. Т.», и сделал общую восторженную характеристику всей поэзии Тютчева. Авторитет Некрасова и его очень подробная статья открыли читающей публике «нового поэта» — поэзию Тютчева, — с опозданием не по его вине по крайней мере на 25 лет!

В 1854 г. вышли «Стихотворения Ф. Тютчева» (немногим более ста стихотворений), встреченные печатью очень сочувственно. Все помнят надпись Фета:

«Но муза, правду соблюдая,
Глядит, а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей».

Неизвестность кончилась, дальше нужно вести речь не о непризнанности поэзии Тютчева, а о более глубоком явлении — о судьбе всей поэзии «золотого века», об ее стиле и духовном строе, о чистой и подлинной музыке, которую не слышали уже новые поколения, ценители — все больше и больше — всяческих «печных горшков», думавшие тогда о другом. Наступало самое непоэтическое время, слишком хорошо известное, чтобы о нем нужно было говорить здесь.

В эпоху нарастания «идейности», «порывов», слез, лившихся о «народе» над теми литературными мужичками, о которых потом так зло сказал К. Леонтьев («баба — так непременно забитая...»)¹, в которой, под видом самых благих чувств, было столько фальши, одно из лучших в русской поэзии стихотворений казалось, вероятно, «реакционным»:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Пятидесятые, шестидесятые годы... «Мужик», «народ», «перестройство», а тут:

Он мерит воздух мне так бережно и скудно,
Не мерят так и лютому врагу...

«Это ли поэзия, которая теперь нам нужна, да и вообще — нужна ли чистая поэзия?» — говорили тогда почитатели «гражданской музыки».

Подлинная трагедия положения Тютчева в том, что он был сначала насильственно оторван от России, а затем — поздно, когда духовный воздух стал совершенно иным, подобно дебютанту, предстал перед вообще чуждыми поэзии поколениями.

Нужно было родиться Тютчевым, т. е. самобытнейшим и оригинальнейшим поэтом, чтобы в молодости писать вне России, выявляя свою, ни на кого не похожую, манеру, создавая свою собственную изошренную стихотворную форму.

Великолепно зная европейскую поэзию, немецкую в частности, Тютчев жил в Германии в полном одиночестве (Гейне и другие немецкие поэты, с которыми он встречался, не знали русского языка), а в России оказался тогда, когда музыка уже отошла и начало воплощаться самое непоэтическое время.

Лишь позднее, уже после смерти Тютчева, Россия стала выходить — лучшей частью души — из мертвящего поэзию утилитаризма... увы, — не надолго...

Последнее десятилетие 19-го века и начало 20-го были подлинным ренессансом, по сравнению с предыдущей «беззвучной» эпохой.

Музыка начала вновь звучать в душах, и поэзия Тютчева сразу сделалась ведущей, раскрыла полное свое содержание.

В преддверии приближавшейся гибели, — хаоса, о котором пророчил Тютчев, Блок называет Тютчева своим «родоначальником» — еще бы! Сам Блок так же бился «на пороге как бы двойного бытия», так же знал о тщете человеческого усилия удержаться «на пороге» высших презрений:

И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем...

так же знал, что человеческому сердцу свойственна двойственность — свет и паденье, вера, и неверие, молитва и отрицание, когда, в некоторые минуты, «нет в творении — Творца и смысла нет в мольбе!»

Метафизическая сущность жизни, хаос, разрушительные силы, таящиеся во всем бытии под «златотканым покровом» видимой красоты, — не «пантеизм» Тютчева и не «ощущение им природы», как нас учили в школе, но тайна, прежде всего, человеческой души и, быть может, даже «духов», существ не человеческих, вот где для Тютчева корень разлада и в то же время слияния с силами стихии. Недаром два роковых искуше-

нья для Тютчева — «самоубийство и любовь». Предел самоотдания и предел самоутверждения — самоубийство, — представляют собой два огненных полюса одного и того же духовного напряжения. От этих двух страстно рвущихся к осуществлению воля, покорность Богу и восстание на Него, «вера» и «атеизм».

Существует ли человек за пределами видимого бытия как личность или же он, подобно учению буддизма, создается из беспрестанно возникающих и разрушающихся безличных «составных элементов» «Самсары», вечного круговращения?

Тютчев, по целому ряду его высказываний, близок к буддической точке зрения:

...То уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь...

В стихотворении «Смотри, как на речном просторе» — льдины, одна за другою уплывающие в море, для него прообраз судьбы человека:

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все безразличны, как стихия,
Сольются с бездной роковой!
О, нашей мысли обольщенье,
Ты — человеческое я!
Не таково ль твоё значенье,
Не такова ль судьба твоёя?

Вопрос ли — эти строки или — утверждение? То же можно сказать и о других высказываниях, о других цитатах, но вдруг в буддический мир Тютчева врывается иная нота, христианская, для которой человек — не только агломерат элементов, но личность, имеющая душу живую:

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые,
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Самые страшные слова, произнесенные в русской поэзии, сказаны Тютчевым как будто вскользь, мимоходом — и от этого они еще страшнее:

Духов бесплотных сладострастья...

Только в Библии, единственный раз, упомянуто о том же:
«И увидели сыны Божии (ангелы) дочерей человеческих, что они прекрасны, и начали брать их в жены себе, какую кто пожелал...»²

Продление любви и страсти за пределами плоти — безумная мечта или же — какая-то верховная возможность, принадлежащая существам не нашего измерения. — «Не лучше ли, без ропота или даже ропща, принять наше человеческое состояние?» — как бы говорит в этом стихотворении Тютчев и, отталкиваясь от своего прозрения, припадает к «Матери-Земле».

Прикасаясь к тайнам бытия своей интуицией, Тютчев никогда не решал в стихах метафизических вопросов, как постоянно делали это плохо понявшие его уроки символисты — З. Гиппиус, Мережковский, Вячеслав Иванов, А. Белый и другие, кроме Блока. Тютчев ощущает, спрашивает, сомневается, любит, страдает — страдает до предела —

О, Господи!.. и это пережить!..
И сердце на клочки не разорвалось! —

поэтому его стихи так подлинны, так человечны:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги!
Друг мой милый, видишь ли меня?..

И когда мы, снова и снова, перечитываем Тютчева, — в тот момент для нас не существует другого поэта.

1954

